

Если ищете идеальный роман — вы его уже нашли.

Washington Post

«Птичий город за облаками» оставит на читательском сердце такую же неизгладимую отметину, как и «Весь невидимый нам свет».

PopSugar

Выдающееся достижение. Что-то здесь от Борхеса, что-то от Умберто Эко, что-то от Урсулы Ле Гуин — но в целом роман безошибочно дорровский.

Airmail Weekly

Доподлинное чудо — и притом эпичного (в буквальном смысле) размаха.

Publishers Weekly

Признание в любви библиотекам и библиофилам, сокровенное, как сказка на ночь.

Oprah Magazine

«Птичий город за облаками» охватывает невероятный диапазон знаний и жизненного опыта. Это человечная и вдохновляющая книга для взрослых, наполненная незабываемой магией читательских впечатлений детства.

Марсель Теру (New York Times Book Review)

Энтони Дорр — не просто выдающийся рассказчик, а настоящий волшебник. Не обязательно грезить о прекрасном заоблачном городе, чтобы хоть ненадолго сбежать из 2021 года: Энтони Дорр доставит вас туда силой своей словесной магии.

St. Louis Post-Dispatch

«Птичий город за облаками» то погружает читателя в недра земные, то возносит к звездам — и до чего же хочется, чтобы это волшебное путешествие не кончалось.

Fresh Air

Впечатляющее достижение и неизменная читательская радость. Серьезные романы редко бывают настолько увлекательными.

The Times

Долгие семь лет мы гадали: о чем же будет следующий роман Энтони Дорра после «Всего невидимого нам света»? Вот и ответ: обо всем сразу.

New York Times

«Птичий город за облаками» показывает, что для нас еще не все потеряно — и что важным инструментом спасения является именно литература.

Boston Globe

Главная здесь радость — смотреть, как складываются кусочки головоломки. Это тишайший эпос, и шепот его разносится на 600 лет — шепот не громче библиотечарского.

National Public Radio

Энтони Дорр воздал должное одному из самых благородных человеческих призваний — спасению книг (хоть рукописных, хоть типографских, хоть электронных).

Book Reporter

Истории Дорра, при всем своем размахе — глобальном, пьянящем, головокружительном, — как будто адресованы вам лично. Ничего подобного «Птичьему городу за облаками» вы еще не читали.

San Francisco Chronicle

Эта книга затягивает вас с головой, стирает границы и заставляет взглянуть на мир по-новому. Обязательное чтение.

The Daily Mirror

Энтони Дорр мастерски пишет о мифическом и самом интимном, об улитках на берегу и армиях на марше, о судьбе, любви и истории и о том невыносимо прекрасном миге, когда все это сталкивается на полном ходу.

Джесс Уолтер (автор «Великолепных руин»)

Дорр деликатно исследует парадоксы нашего мира, красоту законов природы и бездушное извращение их военной машиной, хрупкость и стойкость человеческого сердца и целительную силу времени.

М. Л. Стедман (автор «Света в океане»)

Энтони Дорр — талантливый и бесстрашный писатель нового поколения. Он смело поднимает самые важные вопросы человеческого бытия, приключения его героев обретают эпический размах.

Элизабет Гилберт (автор «Есть, молиться, любить»)

То, что вытворяет... Энтони Дорр, не удавалось еще почти никому. Никто еще, можно сказать, на такое не отваживался.

Дейв Эггерс

Проза Дорра завораживает, в его выразительных фразах сочетается зоркость натуралиста и поэтическая образность.

The New York Times Book Review

Всезнающий и всевидящий — как Д. Г. Лоуренс, Толстой, Пинчон, Делилло, — Дорр безошибочно подмечает и узор на крыльях бабочки, и мельчайшие частицы материи во Вселенной, но при этом не обходит стороной неразрешимые вечные вопросы.

The Philadelphia Inquirer

Дорр создает мистическую атмосферу твердым, рассудительным и изящным слогом. После того как вы прочтете книгу, ее персонажи еще долго будут являться вам во сне.

Venue

Благодаря безупречной классической манере изложения чудаеса у Дорра кажутся естественными. Впечатляюще!

Sunday Times

В его историях отражается и чудо, и ледяное равнодушие природы; Дорр — великолепный рассказчик.

Outside

При чтении Дорра в нас пробуждается то восторженное чувство, которое мы испытываем лишь от сильной любви к близкому человеку или предмету наших занятий.

Times Literary Supplement

Редко встречаешь писателя, который поможет тебе увидеть мир по-новому. А Дорр делает это на каждой странице!

Boston Globe

Дорр выступает как свидетель истории — не той истории, что повествует о масштабных событиях и великих людях, а о той, что высвечивает безымянные уголки, из которых и вырастают лучшие рассказы. Это как раз тот редкий случай, когда писатель, не поддаваясь на банальные соблазны, выстраивает незаурядную, сильную и внятную музыку прозы.

Колум Маккэнн

Дорр — выдающийся стилист. Путешествия его героев по миру внешнему и миру внутреннему одинаково завораживают читателя.

Guardian

В отличие от суперпопулярного в наших краях Паланика, Дорр не увлечен фриками и маргиналами; его герои если и аутсайдеры, то вполне приземленного, стейнбековского толка. Повествование неторопливое — в Айдахо, как известно, спешить некуда, — без излишней метафизики и столь раздражающего во многих коллегах Дорра надрывного пафоса. Собственно, это возвращение к исходной позиции: роман — повествование о чем-то бывалом, хотя, возможно, и вовсе небывалом, но достойном места в реальности. Эта американская «былинность» и привлекает к Дорру не только членов пулицеровского комитета, но и обычных читателей. В конце концов, в наше время, когда новости по телевизору все чаще напоминают дурной сон, как-то хочется сурового старомодного реализма хотя бы в искусстве. Даже если реализм этот, как у Дорра, призречен и обманчив, словно охотничья байка у костра.

Playboy

*Посвящается библиотекарям —
прошлым, настоящим и будущим*

Предводитель хора: Какое же дадим мы имя городу?
Писфетер: Хотите имя важное, тяжелое — Лакедемон.
Эвельпид: Что? «Ляг где можешь»? Зевс! Отец! Чтоб
город мой назвался «Ляг где можешь»! Нет! Уж лучше лягу
я в постель пуховую.

Предводитель хора: Откуда ж имя мы возьмем?
Эвельпид (*с торжественным жестом*): Отсюда вот —
из туч, из пара, мыльное, пузырное, форсистое.

Писфетер: Нашел! Заоблачный Кукушгород!¹

*Аристофан. Птицы. 414 год до н. э.
(перевод Адриана Пиотровского, с изменениями)*

¹ Греческое слово *Νεφέλοκοκκίγια* (Нефелококкигия) русские переводчики и ученые передавали по-разному: Нефелококкия, Облакокукушград, Тучекукуйщина (в цитируемом переводе Адриана Пиотровского), Тучекукуевск, заоблачно-кукушечный град. Мы объединим несколько вариантов и в этой книге будем называть птичий город Заоблачным Кукушгородом. — *Здесь и далее примеч. перев.*

**ПТИЧИЙ
ГОРОД
ЗА
ОБЛАКАМИ**

ПРОЛОГ

**МОЕЙ ЛЮБИМОЙ ПЛЕМЯННИЦЕ С НАДЕЖДОЙ,
ЧТО ЭТО ПРИНЕСЕТ ТЕБЕ ЗДОРОВЬЕ И СВЕТ**

«АРГО»

65-й ГОД МИССИИ

307-й ДЕНЬ В ГЕРМОТСЕКЕ № 1

Констанция

Четырнадцатилетняя девочка сидит по-турецки на полу круглого гермоотсека. Носки протерты до дыр, голову обрамляет ореол густых кудряшек. Это Констанция.

Позади нее в пятиметровом прозрачном цилиндре от пола до потолка висит машина из триллионов золотых нитей не толще человеческого волоса. Каждая обвивает тысячи других, и все они сплетены немыслимо сложным образом. Иногда какой-нибудь пучок нитей начинает пульсировать светом. Это Сивилла.

Еще здесь есть надувная койка, биоунитаз-рециркулятор, пищевой 3D-принтер, одиннадцать мешков питательного порошка «Нутрион» и «шагомер» — тренажер размером и формой с автомобильную шину. В потолке — светодиодное кольцо. По виду никаких дверей в помещении нет.

На полу перед девочкой ровными рядами лежат почти сто прямоугольных кусочков — их Констанция оторвала от пустых мешков из-под «Нутриона» и пишет на них самодельными чернилами. Некоторые исписаны плотно, на других лишь по одному слову. Есть, например, прямоугольник с двадцатью четырьмя буквами древнегреческого алфавита. Другой гласит:

В тысячелетие, предшествующее 1453 году, Константинополь осаждали двадцать три раза, но ни одна армия не взяла штурмом его сухопутные стены.

Констанция наклоняется вперед и берет три из разложенных перед ней прямоугольников. Машина у нее за спиной мигает.

Уже поздно, Констанция, и ты не ела весь день.

— Я не хочу.

Как насчет вкусного ризотто? Или бараньего жаркого с картофелевым пюре? Ты еще многих комбинаций не пробовала.

— Нет, Сивилла, спасибо.

Констанция смотрит на первый прямоугольник и читает:

Утраченное прозаическое сочинение древнегреческого писателя Антония Диогена «Заоблачный Кукушгород», повествующее о хождении пастуха в утопический небесный город, написано, вероятно, в конце первого века нашей эры.

Второй:

Из византийского пересказа девятого века мы знаем, что книга открывается коротким прологом. В нем Диоген, обращаясь к больной племяннице, говорит, что не выдумал нижеприведенную комическую повесть, а обнаружил ее в гробнице в древнем городе Тире.

Третий:

Диоген рассказывает племяннице, что на гробнице было высечено: «Аитон прожил семьдесят лет человеком, год ослом, год камбалой и год вороной». Внутри Диоген якобы обнаружил деревянный ларец с надписью: «О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивишься». Открыв ларец, Диоген обнаружил внутри двадцать четыре кипарисовые таблички, на которых была записана история Аитона.

Констанция закрывает глаза, видит, как писатель спускается в темную гробницу. Вот он в свете факела разглядывает странный ларец. Диоды в потолке меркнут, стены из белых становятся янтарными, и Сивилла говорит: *Констанция, скоро затемнение.*

Девочка пробирается между клочками на полу и вытаскивает из-под койки остатки пустого мешка. Зубами и ногтями

она отрывает чистый прямоугольник. Засыпает немного питательного порошка в принтер, нажимает кнопки, и устройство выплевывает в миску две столовые ложки темной жидкости. Констанция берет заостренную пластиковую трубочку с раздвоенным кончиком, окунает самодельное перо в самодельные чернила, склоняется над чистым прямоугольником и рисует облака.

Окунает снова.

Над облаком она рисует башни, потом — точки вьющихся над ними птиц. В комнате становится еще темнее. Сивилла мигает.

Констанция, я вынуждена настоять, чтобы ты поела.

— Спасибо, Сивилла, я не хочу есть.

Она берет прямоугольник с датой — 20 февраля 2020 г. — и кладет рядом с тем, на котором написано: «Лист А». Затем помещает слева рисунок облака. На миг в гаснущем свете три клочка как будто приподнялись над полом и светятся.

Констанция садится на корточки. Она не выходила из этого помещения почти год.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**О ЧУЖЕСТРАНЕЦ, КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ,
ОТКРОЙ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ТО,
ЧЕМУ ТЫ УДИВИШЬСЯ**

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист А

Кодекс¹ Диогена написан на листах 30 × 22 см. Сохранилось лишь двадцать четыре листа, пронумерованные здесь от А до Ω. Все они в той или иной степени поедены червями и повреждены плесенью. Почерк аккуратный, с наклоном влево. Из перевода Зено Ниниса (2020).

...долго ли эти таблички гнили в ларце, дожидаясь, когда их увидят. Хотя ты, моя дорогая племянница, конечно, усомнишься в правдивости изложенных в них диковинных событий, я все же перепишу всё слово в слово. Может, в стародавние времена люди и впрямь ходили по земле в зверином обличе, а в небесах между областью смертных и областью богов парил птичий город. А может, подобно всем безумцам, пастух придумал собственную правду, так что для него рассказанное было истиной. Однако перейдем теперь к его истории и сами решим, был ли он в здравом уме.

¹ *Кодекс* — *зд.*: древняя рукописная книга из сшитых листочков пергамента.

ЛЕЙКПОРТСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

20 ФЕВРАЛЯ 2020 г.

16:30

Зено

Он сквозь снегопад ведет пятиклассников из школы в библиотеку. Ему крепко за восемьдесят; на нем непромокаемая холщовая куртка, ботинки застегнуты на липучку, галстук из ткани с веселым рисунком — мультяшными пингвинами на коньках. С утра радость мало-помалу поднималась у него в груди, и сейчас, февральским днем в половине пятого, когда дети бегут впереди по тротуару — Алекс Гесс в ослиной голове из папье-маше, Рейчел Уилсон держит карманный фонарик, Натали Эрнандес тащит акустическую колонку, — это чувство едва не валит его с ног.

Они проходят полицейский участок, департамент природопользования, агентство «Эдем-недвижимость». Лейкпортская публичная библиотека — двухэтажное викторианское здание, похожее на пряничный домик, — стоит на углу Лейк-стрит и Парк-стрит. Дом пожертвовали городу после Первой мировой войны. Трубы у него покосились, водосточные желоба просели, три из четырех окон на фасаде треснули и заклеены скотчем. На кустах можжевельника у входа и на ящике для возврата книг, разрисованном под сову, лежат снежные шапки.

Дети вприпрыжку несутся по дорожке, взлетают на крыльцо и «дают пять» детскому библиотекарю Шарифу, который вышел их встретить и помочь Зено подняться по ступеням. У Шарифа в ушах салатовые наушники-капельки, на волосатых руках налипли блестки. На футболке надпись: «Я ЛЮБЛЮ БОЛЬШИЕ КНИГИ И НЕ УМЕЮ ВРАТЬ».

Зено входит и протирает запотевшие очки. Стойка библиотекаря обклеена сердцами из цветной бумаги, над ней вышитая табличка в рамке гласит: «Здесь отвечают на вопросы».

На компьютерном столе на всех трех мониторах синхронно вращаются спирали скринсейверов. Между полкой с аудиокнижками и двумя облезлыми креслами в семигаллонный мусорный бак капает вода от протекающей батареи на втором этаже.

Кап. Кап. Кап.

Мальши бегут по лестнице в детский отдел, с их одежды во все стороны летит снег. На верхней площадке топот резко стихает. Шариф и Зено с улыбкой переглядываются.

— Вау! — слышен голос Оливии Отт.

— Офигеть, — отвечает ей голос Кристофера Ди.

Шариф под локоток ведет Зено наверх. Вход в отдел загораживает фанерная стена, выкрашенная золотой краской из баллончика, а посередине, над невысокой полукруглой дверцей, Зено написал:

ᾧ ξένε, ὅστις εἶ, ἀνοιξον, ἵνα μάθῃς ἃ θαυμάζεις

Пятиклассники толпятся перед фанерой, снег тает на их курточках и рюкзачках. Все смотрят на Зено, а Зено все не может отдышаться. Наконец он говорит:

— Все помнят, что тут сказано?

— Конечно! — отвечает Рейчел.

— А то! — подхватывает Кристофер.

Натали встает на цыпочки и ведет пальцем по каждому слову:

— «О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивишься».

— Умереть и не встать! — говорит Алекс (ослиную голову он теперь держит под мышкой). — Это мы такие типа войдем в книгу.

Шариф выключает на лестнице свет, и дети толпятся перед дверцей в свете красного указателя «ВЫХОД».

— Готово? — спрашивает Зено.

Из-за фанеры директор библиотеки, Марианна, отвечает:

— Готово!

Один за другим пятиклассники проходят через арку в детский отдел. Полки, столы и кресла-мешки сдвинуты к стенам, а их место заняли тридцать складных стульев. Над стульями с потолка свешиваются десятки картонных, усыпанных блестками облаков. Перед стульями — небольшая сцена, а за ней, на полотнище во всю дальнюю стену, Марианна нарисовала облачный город.

Повсюду теснятся золотые башни с сотнями крохотных окошек. Шпили увенчаны флажками. Над ними кружат плотные стаи птиц — маленькие серые овсянки и огромные серебристые орлы, птицы с длинными закрученными хвостами и с длинными кривыми клювами, птицы настоящие и фантастические. Марианна погасила верхние лампы, и в луче единственного прожектора для караоке облака искрятся, птицы переливаются, а башни как будто светятся изнутри.

— Это... — начинает Оливия.

— ...вообще супер... — говорит Кристофер.

— Заоблачный Кукушгород, — шепчет Рейчел.

Натали ставит на пол колонку, Алекс запрыгивает на сцену, и Марианна кричит:

— Осторожнее, краска не засохла!

Зено садится на стул в первом ряду. Всякий раз, как он моргает, память проецирует на веки картинки: отец шлепается задом в сугроб, библиотекарьша выдвигает каталожный ящик, в лагере военнопленных заключенный рисует в пыли греческие буквы.

Шариф ведет детей за кулисы. Там, за тремя книжными шкафами, он сложил костюмы и реквизит. Оливия натягивает латексную шапочку, которая будет изображать лысину, Кристофер вытаскивает на середину сцены коробку из-под микроволновки, раскрашенную под мраморный саркофаг, Алекс тянется к нарисованной башне, а Натали достает из рюкзака ноутбук.

У Марианны звонит телефон.

— Пиццы готовы, — говорит она Зено в здоровое ухо. —
Пойду заберу. Я одним пыхом.

Рейчел трогает Зено за плечо:

— Мистер Нинис? — Ее рыжие волосы заплетены в косички, на плечах блестят капли от растаявшего снега, глаза расширились и сияют. — Это всё вы сделали? Для нас?

Сеймур

В квартале от библиотеки, в «понтаке-гранд-ам», на три дюйма засыпанном снегом, сероглазый семнадцатилетний подросток по имени Сеймур Штульман дремлет, держа на коленях рюкзак — очень большой темно-зеленый «Джанспорт». В рюкзаке две скороварки. Обе набиты кровельными гвоздями и подшипниками. В каждой — воспламенитель и по полкило взрывчатки, известной как «Композиция В». На крышках — по мобильному телефону, к ним изнутри тянутся проводки.

Во сне Сеймур идет через лес к белым палаткам, но при каждом его шаге тропа поворачивает, палатки удаляются, и он замирает в полной растерянности.

Он резко просыпается. Часы на приборной панели показывают 16:42. Сколько он проспал? Пятнадцать минут. Максимум двадцать. Глупо. Неосторожно. Сеймур просидел в машине больше четырех часов, ноги у него задубели. И еще очень хочется в туалет.

Он рукавом протирает запотевшее лобовое стекло. На минутку включает дворники, и они смахивают толстый слой снега. Перед библиотекой ни одной машины. На дорожке никого. На стоянке с западной стороны только один автомобиль — «субару» библиотекаря Марианны, засыпанный снегом.

16:43

«До конца дня выпадет шесть дюймов снега, — говорит радио. — За ночь — от двенадцати до четырнадцати».

Вдохнуть на четыре счета, задержать дыхание на четыре счета, выдохнуть на четыре счета. Вспомнить все, что знаешь.

У сов три пары век. Глазное яблоко у них не круглое, а цилиндрическое. Совиный слух примерно в пятьдесят раз чувствительнее человеческого.

Всего-то и нужно, что выйти из машины, спрятать рюкзак в юго-восточном углу библиотеки, как можно ближе к агентству «Эдем-недвижимость», вернуться в машину, отъехать к северу, дожидаться, когда в шесть библиотека закроется, набрать номер. Выждать пять гудков.

Бабах.

Легче легкого.

В 16:51 из библиотеки выходит фигура в красной парке, натягивает капюшон и начинает лопатой расчищать от снега дорожку. Марианна.

Сеймур выключает радио и сползает ниже на сиденье. В воспоминании ему семь или восемь, он в отделе взрослой научно-популярной литературы, где-то возле номера 598, и Марианна снимает с верхней полки определитель сов. Она вся в веснушках и пахнет коричневой жевательной резинкой. Марианна садится рядом с ним на вращающийся табурет. Показывает ему сов у дупла, сов на ветке, сов, летящих над полями.

Сеймур прогоняет воспоминания. Как говорил Иерарх? *«Воин, преисполненный истинного духа, не ведает страха, вины и сожалений. Воин, преисполненный истинного духа, становится сверхчеловеком».*

Марианна чистит от снега пандус для инвалидов колясок, разбрасывает соль, идет по Парк-стрит и пропадает в снежном кружении.

16:54

С полудня Сеймур ждал, когда в библиотеке никого не останется, и вот это время пришло. Он расстегивает рюкзак, включает мобильные телефоны, приклеенные скотчем к крышкам скороварок, достает стрелковые наушники и снова застегивает рюкзак. В правом кармане ветровки у него самозарядный пистолет «Беретта-92», найденный в сарае у двоюродного прадеда. В левом — мобильный телефон с тремя записанными на задней стороне номерами.

Оглавление

ПРОЛОГ	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ. О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивисься	21
ГЛАВА ВТОРАЯ. Видение Аитона	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Старухино предостережение	77
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Фессалия, страна волшебства	113
ГЛАВА ПЯТАЯ. Осел	129
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Разбойничий притон	143
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Мельник и обрыв	183
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. По кругу, по кругу	222
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. На замерзшем краю мира	247
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Чайка	295
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. В чреве кита	309
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Волшебник внутри кита	329
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Из кита да в бурю	367
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Врата Кукушгорода	393
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Стражи ворот	437
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Загадка сов	449
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Чудеса Заоблачного Кукушгорода	459
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Все вокруг блистало великолепием, а все же... ..	483

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. «Аитон» значит «пылающий»	509
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Сад богини	529
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Супермагическая ультрамогущественная книга обо всем на свете	543
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. То, что у тебя есть, лучше того, что ты так безрассудно ищешь	565
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Зеленая красота несовершенного мира	581
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Ностос	603
ЭПИЛОГ	623
Послесловие автора	634
Благодарности	636